

Бунин, Горький и Роллан в год 10-летия Октябрьской революции

Bunin, Gorky and Rolland in the year of the 10th anniversary of the October Revolution

Резюме: Политический разрыв Бунина с Горьким произошел сразу после Октябрьской революции в 1917 году. Разрыву этому предшествовала двадцатилетняя дружба писателей, хотя и стоявших на разных мировоззренческих позициях, но посвятивших свою жизнь одной цели – служению русской литературе. Они публиковались на страницах одних и тех же демократических журналов, в самых известных издательствах, осуществляли совместные издательские проекты. Их сотрудничеству положило конец непринятие Буниным советской власти. 1927 год окончательно развел писателей по разные стороны баррикад. Определенную роль в судьбах русской эмиграции сыграл Роллан, отказавшийся поддержать протест русских писателей-эмигрантов против царящих на их родине беззаконий. Находясь под влиянием Горького, Роллан принял его разъяснения по поводу происходящего в СССР и открыто встал на защиту советского режима.

Ключевые слова: Бунин, Горький, Роллан, писатели русской эмиграции

Summary: Bunin's political breakdown with Gorky occurred immediately after the October Revolution in 1917. This split was preceded by twenty years of friendship between the writers, who, although subscribing to different worldviews, dedicated their lives to the one goal of serving Russian literature. Their works were published on the pages of the same democratic magazines by the most famous publishers, and they carried out joint publishing projects. Their cooperation was put to an end by Bunin's rejection of Soviet power. The year 1927 ultimately placed the writers on opposite sides of the barricades. A certain role in the fate of the Russian emigration was played by Rolland, who refused to support the protest of Russian emigrant writers against the lawlessness reigning in their homeland. Under the influence of Gorky, Rolland accepted his explanation of what was happening in the USSR and openly defended the Soviet regime.

Key words: Bunin, Gorky, Rolland, writers of Russian emigration

Личные и творческие отношения Бунина и Горького не раз становились предметом специального исследования (Нинов 1973: 7–65; Ревякина 2010: 125–145 и др). Их вхождение в литературу пришлось на конец XIX-начало XX века, когда были живы Толстой и Чехов, эстафету которых они приняли. Чехов и познакомил писателей между собой в 1899 году в Ялте, где он жил тогда. На страницах журнала «Жизнь» одновременно публиковались рассказ *В овраге* Чехова, стихотворения и рассказы Бунина, наиболее значительные произведения Горького того времени – повесть *Трое*, роман *Фома Гордеев*. В 1901 году в апрельском номере «Жизни» рядом с рассказами Бунина *Туман* и *Новая дорога* была напечатана *Песня о Буревестнике* Горького, что

привело к закрытию журнала цензурой. В это же время оба писателя стали участниками московского литературного кружка «Среда» (1899–1916), организованного писателем Николаем Телешовым, где имели возможность читать и обсуждать свои произведения в кругу таких же, как они, молодых писателей. Но наиболее плодотворным этапом творческого сотрудничества Бунина и Горького стало их участие в деятельности товарищества „Знание”, основанного Константином Пятницким. Деятельность этого издательства была направлена на общественно-просветительские цели. Горькому, с его бурным общественным темпераментом, удалось сплотить вокруг издательства лучшие силы молодой русской литературы: писателей Андреева, Куприна, Бунина, Вересаева, Серафимовича, Гарина-Михайловского, Найденова и др. Одним из главных критериев оценки творчества писателей-знаньевцев было последовательно демократическое и реалистическое содержание литературных произведений, пользовавшихся широкой популярностью среди читателей. В первый том рассказов для «Знания» Бунин включил рассказы из книги *На край света*. В этой связи Горький, фактически руководивший издательством, высказал Пятницкому свое отношение к творчеству Бунина, художественные достоинства которого не могли заменить Горькому общественно-демократической направленности, которой не было у потомственного дворянина Бунина, прекрасно знавшего русскую деревню, но изображавшего ее с патриархальных позиций: «Я все думаю — следует ли „Знанию” ставить свою марку на произведениях индифферентных людей? Хорошо пахнут *Антоновские яблоки* — да! но — они пахнут отнюдь не демократично, — не правда ли?» (Горький 1954: 53). Тем не менее, несмотря на сомнения Горького, весной 1902 года «Знание» выпустило первый том *Рассказов* Бунина. Одновременно Бунин предложил «Знанию» издать его перевод *Песни о Гайавате* Г. Лонгфелло. Третьей книгой, изданной «Знанием» в 1903 г., стал сборник стихотворений, куда вошли новые стихи Бунина и стихи из сборников *Листопад* и *Новые стихотворения*. Поэма *Листопад* была посвящена Горькому. Таким образом, издательство «Знание» представило творчество Бунина во всей его многогранности: как прозаика, поэта и переводчика. Бунин становится одним из самых значительных поэтов «Знания», выпустившего подряд несколько книг его стихов и переводов¹. Переводы мировой классики и современной иностранной литературы были важной составляющей просветительской деятельности «Знания», горячо поддержанной Горьким. Так, в „Знании” были опубликованы трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида в переводе Д. Мережковского, полное собрание сочинений Шелли в переводе К. Бальмонта, собрание стихотворений Леопарди в переводе И. Тхоржевского, прозаический перевод двух частей *Фауста* Гете, выполненный П.И. Вейнбергом. Новое издание бунинского перевода *Песни о Гайавате*, выпущенное «Знанием» в 1903 году, и сборник стихотворений *Листопад* были отмечены Пушкинской премией за 1903 год. После Лонгфелло Бунин обратился к творчеству Байрона и перевел его поэмы *Манфред* и *Каин*. После публикации *Манфреда* Горький задумал издать в «Знании» полное собрание сочинений Байрона в новых переводах по

¹ В 1909 г. «Знание» опубликовало пятый том рассказов и очерков Бунина 1903–1907 гг.

типу уже предпринятого издания сочинений Шелли. Этот замысел не был осуществлен. В 1902 году начинают выходить так называемые *Сборники товарищества «Знание»* – новый издательский проект Горького.

Первый сборник «Знания» открывался рассказом Андреева *Жизнь Василия Фивейского*, Бунин был представлен и прозой (*Чернозем*) и стихами (*Диза, Перед бурей, Сумерки, Дома, Кольцо, В Евпаторийских степях, Над Окой*), Вересаев – лирико-философским этюдом *Перед завесой*, Гарин – *Деревенской драмой*, Горький – поэмой *Человек*, Серафимович – рассказом *В пути*, Телешов – *Между двух берегов*. Об этом сборнике сохранился отзыв А.П. Чехова (в письме к А. В. Амфитеатрову от 13 апреля 1904 г.):

Сегодня читал *Сборник изд. «Знания»*, между прочим горьковского *Человека*, очень напомнившего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом, на о, прочел и великолепный рассказ Бунина *Чернозем*. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его вашему вниманию (Чехов 1951: 268).

Памяти Чехова был посвящен третий, специально составленный сборник «Знания» (1904). Бунин дал свой очерк *Памяти Чехова*, высоко оцененный Горьким.

Первая русская революция 1905 года не развела Бунина и Горького по разные стороны баррикад. Они продолжили сотрудничество в сложных условиях революционной и послереволюционной действительности. Хотя среди знаньевцев Бунин долго оставался «индифферентным», далеким от политики литератором, события 1905 года поразили его. Под влиянием Горького в 1905–1907 годах Бунин принял активное участие в открыто оппозиционных царскому режиму литературных проектах, в частности, в издании сатирического журнала «Жупел» по примеру знаменитого немецкого журнала «Симплициссимус». На даче у Горькому в Куоккале состоялось организационное собрание участников будущего журнала, о чем Бунин писал в письме к Федорову:

Горький вызывал меня на совещание о новом журнале типа «Симплициссимуса». Выйдет ли это дело – не знаю, но совещание было любопытное. Было очень много художников, и между ними знаменитые финляндцы – Галлен, Эрнефельд, Саарен, а из русских — Серов, Билибин, Грабарь и т. д. Видел Елпатьевского, Скитальца, Андреева (Бунин «Материалы», с. 96–97).

В декабре 1905 года вышел первый номер журнала со стихотворением Бунина *Ормузд*.

В дни декабрьского восстания на квартире у Горького на Воздвиженке в Москве побывало много людей, в том числе и Бунин, захваченный революционными событиями, размахом революции, о чем свидетельствуют новые героические мотивы в его стихотворениях *Эсхил, Самсон, Ормузд, Джордано Бруно*. Горький предложил издать эти стихотворения Бунина в серии «Дешевая библиотека» «Знания», которая

предназначалась для массового читателя. Первой книгой, открывшей серию в 1906 году, стало издание *Песни о Соколе*, *Песни о Буревестнике* и *Легенды о Марко Горького*. Бунин доверил Горькому составить свой сборник для «Дешевой библиотеки». Из предложенных Буниным стихотворений Горький выбрал *Последнюю грозу*, *На распутье*, *Под парусом*, *С кургана*, *Рассвет*, *День гнева* (из *Апокалипсиса*) и *Самсон*. Бунин ценил соседство Горького в сборниках «Знания»: почти каждое крупное произведение Горького сопровождалось бунинскими стихами. Так в девятом сборнике «Знания» за пьесой Горького *Варвары* была помещена большая подборка стихотворений Бунина, в их числе *Эсхил*, *Каменная баба*, *Айя-София*, *У северных берегов Малой Азии*, *Атлант*, *Песня (Я—простая девка на баштане...)*, *Одиночество*, *Печаль*, *Детская*, *Тлен (В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...)*, *Жизнь (Набегает впотьмах...)* и др.

В 1906 году Горький уезжает за границу и обосновывается на Капри. Его сотрудничество с Буниным продолжается: в 1909 году вышли в свет новое издание второго тома собрания сочинений Бунина (*Стихотворения 1889-1902 гг.*) и пятый том — *Рассказы*, - последние тома его сочинений, изданные „Знанием”, которое вступило в тот момент в полосу экономических трудностей. Выпущенный в конце года 27-й сборник «Знания» включал повесть Горького *Лето*, повесть Ф. Крюкова *Зыбь*, рассказ И. Касаткина *В уезде*, рассказ *Беден бес* (позднее: *Птицы небесные*) и стихотворение *Сенокос* Бунина. Во всех произведениях сборника речь шла о судьбе русской деревни - главной теме в творчестве Бунина. В интервью в связи с 25-летним юбилеем своей писательской деятельности Бунин отметил:

Пережил я очень долгое народничество, затем толстовство; теперь тяготею больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности <...> Какое из своих произведений я считаю наиболее удавшимся? На этот вопрос трудно ответить. Из всех написанных мною книг я все-таки считаю наиболее удачными *Деревню*, *Суходол* (сборник повестей и рассказов 1911–1912 гг.). Затем некоторые стихотворения последнего периода и прозаические поэмы моих странствований — *Тень птицы*, *Иудея*, *Пустыня дьявола*. (Бунин 1912, цит по: «Новый мир»).

Однако несмотря на бунинское заявление о тяготении к социал-демократии, писатель никогда не разделял революционных взглядов и был принципиальным противником революционных действий, *жестокого и беспощадного* крестьянского бунта.

Несколько зим Бунин с женой провели на Капри по приглашению Горького. Впервые Бунин приехал на Капри весной 1909 года. Разговоры с Горьким и его окружением об отношении литературы к народу, к деревне, к крестьянству вдохновили Бунина на написание повести *Деревня*. Мало кто из писателей того времени знал русскую деревню лучше, чем Бунин. Вернувшись с Капри, за лето 1909 года, по совету Горького, Бунин написал свою знаменитую *Деревню*. Одним из источников бунинской повести стала полемика с изображением Руси, ее „воскресения” в произведениях Горького *Исповедь* и *Лето*.

В конце апреля 1910 года Бунин вновь приехал на Капри. К его приезду Горький уже прочитал первую часть *Деревни* в журнале «Современный мир» (март 1910 года). Продолжение *Деревни* появилось в «Современном мире» в октябре 1910 года. Горький писал Бунину 13 ноября 1910 года:

Возвратясь домой (из поездки по Италии – М.А.), читал *Деревню*, читал и говорю старым словом Стасова – «Тузовая» вещь. Строго, честно и – красиво! <> Сколько липких, чёрным варом склеивших душу, мучительных, одиноких дум под неистовый вой зимних выюг.... (Бунин 2007: 554–555).

И далее (в письме от 23 ноября 1910 года):

Конец *Деревни* я прочитал – с волнением и радостью за вас, с великой радостью, ибо Вы написали первостепенную вещь. Это – несомненно для меня: так глубоко, так исторически деревню никто не брал... <> Угроза, скрытая в ней, тактически неприемлема как для левых, так и для правых: угрозы этой никто не заметит. Но я знаю, что когда пройдет ошеломлённость и растерянность, когда мы излечимся от хамской распушенности – это должно быть или – мы пропали! – тогда серьёзные люди скажут: «Помимо первостепенной художественной ценности своей, *Деревня* Бунина была толчком, который заставил разбитое и расшатанное русское общество серьёзно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом – быть или не быть России? Мы ещё не думали о России как о целом – это произведение указало нам необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически» (Бунин 2007: 559).

Задачей Бунина было дать энциклопедию русской деревни, как он ее видел, однако Горький остро сформулировал проблему, поставленную Буниным: «быть или не быть России?». Каприйские беседы с Горьким Бунин очень ценил: оба писателя хорошо знали русский народ, глубоко чувствовали трагизм его судьбы. Недаром Бунин признавался в письме Горькому 17 декабря 1910 года:

Если напишу я после *Деревни* еще что-нибудь путное, то буду я обязан этим вам, Алексей Максимович. Вы и представить себе не можете, до чего ценны для меня ваши слова, какой живой водой брызнули вы на меня! (Бунин 1934: 422).

В ноябре 1911 года Бунины снова приехали на Капри, где провели зиму 1911–1912 года, постоянно бывая у Горького. М.Ф. Андреева писала:

У нас сейчас прямо съезд какой-то писателей: тут Бунин, Коцюбинский, Черемнов и еще целая куча, все пишут, читают. Бунин написал превосходнейшие, но страшные по содержанию вещи, когда слушаешь их, волосы дыбом становятся, ей-богу. Сам Алексей Максимович так и горит весь (Андреева 1968: 216).

В это время Бунин написал рассказы *Хорошая жизнь*, *Сверчок*, *Ночной разговор*, *Веселый двор*, *Суходол*, *Захар Воробьев*. Эти рассказы он и читал у Горького, заметившего (в письме И.А. Белоусову): «А лучший современный писатель — Иван Бунин, скоро это станет ясно для всех, кто искренне любит литературу и русский язык!» (Горький 1959: 103).

В октябре 1912 года по случаю 25-летия литературной деятельности Бунина Горький прислал с Капри приветствие для юбилейного собрания в Москве, подписанное каприйскими знакомыми Бунина А. Золотаревым, Б. Тимофеевым, А. Прибоем, Л. Старком, К. Пятницким, В. Каменским, в котором говорилось:

И проза ваша, и стихи, с одинаковой красотой и силой раздвигали пред русским человеком границы однообразного бытия, щедро одаряя его сокровищами мировой литературы, прекрасными картинами иных стран, связывая воедино русскую литературу с общечеловеческим на земле. Двадцатипятилетняя работа ваша, полная ревностной любви к родному языку — красота его всегда так тонко чувствуется вами — эта еще не оцененная работа дает нам радостное право сказать, что вы являетесь достойным преемником тех поэтов, которые породнили русскую литературу с европейской, сделали ее одним из самых замечательных явлений XIX века. (Горьковские чтения 1961: 69–70).

Неизменно дружеское и творческое общение с Горьким продолжилось осенью и зимой 1912–1913 года, когда Бунин с женой и племянником вновь приехали на Капри. Бунин плодотворно работал, вдали от суеты и шума. Постоянно виделся он только с Горьким. Они намечали совместное путешествие по Европе, обсуждали новые издательские проекты («Русский мужик в литературе», «Забывшие поэты», «Забывшие беллетристы»), продолжали литературные чтения и обсуждения своих новых произведений. Творчество Бунина, мастерство которого Горький сравнивает с мастерством Тургенева и Чехова, вызывает искреннее восхищение Горького: часто он не может сдержать слез, слушая чтение Бунина.

Последнюю зиму на Капри 1913–1914 года Бунин провел без Горького: писатель уехал в Россию в конце декабря 1913 года в связи с амнистией, объявленной по случаю 300-летия Дома Романовых. Впоследствии Бунин подвел итог этому периоду своей жизни в очерке на смерть Горького в 1936 году:

Мы с женой лет пять подряд ездили на Капри, провели там целых три зимы. В это время мы с Горьким встречались каждый день, чуть не все вечера проводили вместе, сошлись очень близко. Это было время, когда он был наиболее приятен мне (Бунин).

С именем Горького связано еще несколько важных эпизодов в биографии Бунина периода Первой мировой войны. Так в связи с началом войны Горький подписал по просьбе Бунина его обращение *От писателей, художников и артистов*,

опубликованное в «Русских ведомостях» 28 сентября 1914 года и перепечатанное на следующий день «Утром России» и другими газетами. В начале 1915 года был издан коллективный антивоенный сборник «Щит» под редакцией Андреева, Горького и Сологуба, при участии Бунина, Брюсова, Короленко, А. Толстого и др. Бунин дал в сборник цикл стихотворений на библейские темы (*День гнева, Тора, Гробница Рахили, Столп огненный* и др.)

Основав журнал «Летопись», Горький пригласил Бунина к сотрудничеству. В это время он заканчивал свой задуманный еще на Капри рассказ *Господин из Сан-Франциско*, пронизанный предчувствием катастрофы. В начале ноября 1915 года Бунин послал Горькому полтора десятка стихотворений. Первый номер горьковской «Летописи» открывался стихотворением Бунина *Слово*, в котором поэт продолжает тургеневскую традицию, обращается к защите культурных ценностей в разгар войны. В стихотворениях военных лет, опубликованных в «Летописи», Бунин обращается к славянской, русской теме, к народным преданиям. Горький охотно публикует поэзию Бунина, не устает восхищаться его талантом:

Вы только знайте, что ваши стихи, ваша проза, – для «Летописи» и для меня — праздник. Это не пустое слово. Я вас люблю – не смейтесь, пожалуйста. Я люблю читать ваши вещи, думать и говорить о вас. В моей очень суетной и очень тяжелой жизни вы — может быть, и даже наверное — самое лучшее, самое значительное. Знали бы вы, с каким трепетом читал я *Человека из Сан-Франциско*, с каким восторгом вот эти стихи. Ведь вы для меня великий поэт, первый поэт наших дней (письмо Бунину от 24 февраля 1916 г.). (Цит. по Нинов 1973: 49).

Исследователь А.А. Нинов замечает:

В течение 1916 г. стихотворения Бунина публиковались из номера в номер в каждой книжке «Летописи» (за исключением последних двух). Ни один другой поэт не печатался в горьковском журнале так регулярно. Всего за год в «Летописи» было опубликовано около тридцати бунинских стихотворений, и Горький имел все основания считать их подлинным украшением журнала (Нинов 1973: 49).

В «Летописи» Горький публикует и рассказы Бунина, хотя многие бунинские темы чужды ему.

Февральская революция с энтузиазмом ее первых дней сменилась затяжным политическим кризисом, который разрешился Октябрьской революцией, которую не принял Бунин. Последним издательским проектом Горького и Бунина стал выпуск полного десяти томного собрания сочинений Бунина в горьковском издательстве «Парус», который обсуждался писателями весной 1917 года. К концу года издан был только десятый том. В условиях революционной разрухи издательство «Парус» доживало последние дни. В уже цитировавшемся очерке о Горьком Бунин вспоминает:

Вскоре после захвата власти большевиками он приехал в Москву, остановился у своей жены Екатерины Павловны, и она сказала мне по телефону: «Алексей Максимович хочет поговорить с вами». Я ответил, что говорить нам теперь не о чем, что я считаю наши отношения с ним навсегда конченными (Бунин).

Бунин следил за горьковскими публикациями *Несвоевременных мыслей* в «Новой жизни», однако его отношение к Горькому уже изменилось самым кардинальным образом: горьковская критика политики большевиков воспринималась им как «инсайдерская», «спор славян между собой». 5 июня 1918 года Бунины уехали из Москвы в Одессу, где прожили полтора года, а затем 24 января 1920 года на французском пароходе «Спарта» покинули Россию. В конце марта 1920 года они прибыли в Париж.

В 1922–1923 годах Бунин вступил в переписку с Роменом Ролланом (в Фонде Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции хранятся два его письма Роллану). В период Первой мировой войны политическая позиция Роллана привела его к необходимости эмиграции в результате травли в собственной стране. Именно в этом контексте воспринималась личность писателя, воплощавшего в тот момент «совесть Европы». Русские писатели, оказавшиеся в эмиграции в результате Октябрьской революции 1917 года, видели в Роллане единомышленника, способного как никто другой понять трагедию русской интеллигенции, занявшей антибольшевистскую позицию и заплативших за это потерей родины. Роллан отнесся с большим сочувствием к русским писателям в изгнании, высоко оценил их творчество, помогал установить контакты с литературными журналами и издательствами, интересовался новыми переводами и книгами, выходящими из-под пера эмигрантов, считая их продолжателями лучших традиций русской литературы. Роллан поддержал идею выдвижения на Нобелевскую премию русских писателей в изгнании. Мастерство Бунина вызывало особое восхищение Роллана, о чем свидетельствуют характеристики писателя, данные Ролланом своему коллеге по журналу «Эроп» Рене Аркосу с целью привлечь Бунина к сотрудничеству во французских журналах.

Известно, какой интерес вызывала Россия и русская культура у Ромена Роллана. Это было связано, прежде всего, с его увлечением русской литературой. В 1886 году, когда Ромену Роллану исполнилось 20 лет, вышла в свет книга Э.-М. де Вогюэ *Русский роман*, которая имела огромный успех и дала возможность французскому читателю открыть для себя мир русской словесности. В Париже зачитывались *русским романом*. 1880-е годы во Франции – это разгар «русомании» в среде образованных читателей, отразившейся на многих областях культурной и интеллектуальной жизни страны. С середины 1880-х годов и до 1910-х были опубликованы переводы произведений Гоголя, Толстого, Пушкина, Достоевского. Юный Роллан был потрясен романом *Война и мир*, увидев в нем гениальное воплощение того, о чем он сам смутно мечтал. В порыве энтузиазма студент Высшей Нормальной школы написал Толстому и к своему удивлению получил от него обстоятельный ответ на 38 страниц. Роллана удивило не содержание письма, а сам факт ответа неизвестному французскому юноше всемирно известного писателя, его великодушие. Роллан опубликовал письмо

Толстого в «Кайе де ла Кензен» («Les Cahiers de la Quinzaine») 25 февраля 1902. Роман *Война и мир* стал для Роллана образцом новой эпопеи, творчество Толстого послужило источником его эпопеи *Жан-Кристоф* и последующих романских циклов. От Толстого Роллан усвоил идею непротравления злу, но также и дух критики современной ему культуры².

Чтение Толстого открыло путь другим великим русским писателям. В сборнике статей *Над схваткой*, в статье *Какое из двух зол меньшее: пангерманизм или панславизм?* (1914) Роллан ссылается на имена Толстого, Достоевского, Горького как духовных вождей европейской интеллигенции:

Кто, как не русские писатели, были нашими руководителями? Кого можете вы, немцы, противопоставить этим колоссам поэтического гения и нравственного величия — Толстому, Достоевскому? Это они создали мою душу; защищая расу, которой они принадлежат, я плачу свой долг по отношению к ним, по отношению к ней. (Роллан 1935: 31–32).

В период Первой мировой войны Роллан приобрел особую известность и моральный авторитет, благодаря своему полемическому циклу пацифистских статей под символическим названием *Над схваткой* (1914–1915). В 1915 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе. Высокая награда свидетельствовала о том, что Шведская академия приняла во внимание его общественную позицию и сочла его антивоенные выступления примером мужества, хотя в официальной формуле присуждения упоминался только роман *Жан-Кристоф* (*Jean-Christophe*, 1912), которым увлекалась вся европейская интеллигенция.

В 1916 году, в разгар войны, Роллан вступил в переписку с Горьким, которая продолжалась двадцать лет, до самой смерти Горького. Наиболее интенсивной эта переписка была в 1920-е годы, когда Горький, как когда-то Роллан, оказался «над схваткой», покинув Советскую Россию 16 октября 1921 года. Скитаясь по Европе, Горький мечтал вернуться в Италию, где прошли столь плодотворные для него семь лет его эмигрантской жизни. В 1924 году он обосновался в Сорренто, где жил до мая 1933 года, постепенно утверждаясь в мысли о необходимости возвращения в СССР. На принятие такого решения в большой степени повлияла политика Сталина в отношении Горького, которого советский вождем рассматривал как «политический капитал».

В свою очередь Горький повлиял на решение Роллана размежеваться с писателями русской эмиграции и проводить линию «защиты СССР» в качестве «друга СССР». Негативное отношение Роллана к политике большевиков и критика

² Подробнее об отношении Роллана к взглядам Толстого см., в частности, очерк *Встреча и переписка с Роменом Ролланом* в сборнике воспоминаний В.Ф. Булгакова, последнего секретаря Л. Толстого (Булгаков В.Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1964), а также книгу Т. Мотылевой *О мировом значении Л. Н. Толстого* (Москва 1957, с. 389–484) и в других работах этого автора, посвященных Ромену Роллану. По существу, весь писательский путь Роллана был идейно связан с гуманистическим наследием Толстого, хотя он, как об этом пишет в письме к Булгакову, неизменно стремился «сохранять и утвердить свою независимость» по отношению к Толстому.

итогах Октябрьской революции сменились, как и у Горького, на одобрение достижений СССР в деле строительства новой России. 1927 год стал переломным в отношении Роллана с писателями русской эмиграции. В августе 1927 года разразился скандал, выявивший глубокие противоречия в отношении Роллана к писателям-эмигрантам, принадлежавших «уходящему миру», и окончательно прояснивший его позицию по отношению к СССР.

В августе 1927 года во французской прессе развернулась кампания против политики СССР по уничтожению русской культуры и литературы. Кампания была вызвана публикацией в газете «L'Avenir» анонимного воззвания «Писателям мира», подписанного «Группа русских писателей. Россия, май 1927», перепечатанное затем в самых влиятельных газетах русской эмиграции «Последние новости» и «Возрождение». В воззвании советская власть обвинялась в гибели лучших русских поэтов и писателей (Блока, Гумилева, Есенина, Сологуба и др.) и жестких репрессивных мерах по отношению к печатному слову: отсутствию у писателей возможности издавать свои произведения, цензуре, изъятии книг из библиотек и т.п. 29 августа 1927 года известный писатель и переводчик Илья Гальперин-Каминский, сотрудник газеты «L'Avenir», обратился со страниц своей газеты к французским писателям с просьбой поддержать русских собратьев. В течение последующих месяцев 1927 года газета «L'Avenir» публиковала отклики русских писателей-эмигрантов (среди них — И. Бунин, Б. Зайцев, Куприн, Мережковский и др.) на воззвание, полученное из Советской России. Бальмонт направил в октябре 1927 года большое открытое письмо («воплъ-мольбу») Кнуту Гамсуну («Сегодня». 1927. № 257. 13 ноября. с. 4; перепечатано: «За свободу!». 1927. № 267. 20 ноября. с. 5). Шмелев поддержал соотечественников со страниц газеты «Возрождение» (1927. № 779. 21 июля. с. 2). Однако усилия русских писателей-эмигрантов, пытавшихся привлечь внимание к подавлению духовной свободы в СССР, не вызвали ответной реакции у французской интеллигенции.

Осенью 1927 года, в разгар скандала, Роллан направил в СССР поздравление в связи с 10-летием Октябрьской революции – «Приветствие к величайшей годовщине в истории народов», - которое было опубликовано в газете «Вечерняя Москва» 4 ноября 1927 года (Роллан 1958: 152–153). Этот поступок возмутил писателей-эмигрантов, глубоко оскорбленных его двойственной позицией и не простивших ему этот жест поддержки ненавистной им власти большевиков.

Бальмонт обратил «высоко-яростное проклятие европейцам, объединяя их в Ромэне Роллане» (*Из письма к И.С. Шмелеву от 9 декабря 1927 г.*, цит. по: *Встреча* 2002):

„Я, Шмелев, Мережковский, Бунин, Куприн, Зайцев и еще, и еще другие весьма прославленные русские писатели, как уехали, по-вашему, из России? Не воображаете ли вы, что это из-за маленьких политических и литературных распрей мы покинули Родину, – как вы, – чтоб в прелестном уединении играть роль совести мира? Поверьте, мы не столь бродяги по природе, как это может вам казаться. Мы покинули Россию, чтоб иметь возможность в Европе попытаться хоть что-нибудь крикнуть о Погибающей Матери, крикнуть

в глухой слух очерстевших и безучастных, которые заняты лишь собой” (Бальмонт, *За свободу* цит. по: *Встреча* 2002).

Добиваясь ответа от прославленного гуманиста, «притязającego на роль дозорного высокой башни, на коей зажжен факел мировой совести» (Бальмонт 1927а), Бальмонт выступил в печати с обращением к Роллану, опубликованным в газете „L’Avenir”. 12 января 1928 года в том же номере газеты с аналогичным обращением выступил И.А. Бунин.

Роллан обратился за разъяснениями к Горькому (в письме от 25 января 1928 года): „Разрешите попросить у Вас точных сведений о современных русских писателях, оставшихся в России. Вот уже пять месяцев Гальперин-Каминский, участвующий в кампании французской печати против России, попросил меня присоединиться к Призыву в защиту «Русских писателей, оставшихся в России», относительно которых по Парижу ходило письмо — анонимное, — вопившее об их «мученичестве» и пытавшееся поднять общественное мнение Запада против их «палачей». Но в газете «Авенир» (националиста Эмиля Бюре) только что появилось (12 января) двойное открытое письмо, адресованное мне Константином Бальмонтом и Иваном Буниным. Авторы этого письма резко нападают на меня за «Послание», с которым я обратился к русскому народу по случаю десятой годовщины Революции и которое было напечатано в московских газетах в октябре.

Эти нападки нисколько не тронули бы меня, если бы я не почувствовал в письме глубокой и горькой обиды за полное равнодушие, с которым их «Призыв» был встречен европейской публикой. Их личные друзья и те, по-видимому, не ответили на их мольбы. И не находя иного выхода, они обращаются ко мне, — хотя я и придерживаюсь других взглядов, — потому что я слышу (и это соответствует действительности) — человеком, сохранившим до сих пор полную независимость по отношению ко всем партиям. Они требуют, чтобы я ответил на их обвинительный акт, направленный против Советской России.

Отвечать было бы с моей стороны нелепостью, ибо пытаться открыть глаза несчастным людям, которые не могут видеть света, не хотят его видеть, — которые слишком много выстрадали, чувствуют себя оскорбленными и никогда не выздоровеют, — дело тщетное, неблагодарное и даже опасное. Но как это ни глупо, я не мог устоять перед душераздирающим тоном их призыва <...> Жалея этих эмигрантов (я слишком хорошо знаю, что выстрадали эмигранты, бежавшие от Французской Революции, ибо я читал их мемуары), я пытаюсь объяснить им, что если они сами не хотят видеть огромной работы по перестройке и обновлению России, то мы, французские интеллигенты, стоящие в стороне от их распрей, не можем этого не знать, не можем добровольно закрывать глаза!

Доказательств у нас слишком много, они поступают отовсюду. Бальмонт и Бунин отрицают, естественно, всю созидательную работу, которая ведется в России (Горький 1996: 144–147).

В письме Роллана Горькому содержались две выдержки из публикаций писателей-эмигрантов, которые Роллан приводит в кавычках. В первой выдержке говорится:

Для них «там нет ничего, кроме убийств, краж, коррупции, омерзительной неразберихи и неопикуемых страданий». Для них вне эмиграции не существует словесности (литературы). Все оставшиеся в России писатели угнетены, гибнут от нищеты и унижений... (Горький 1996: 145).

Во второй выдержке Роллан приводит отрывок из открытого письма Бальмонта:

Пашуканис, издатель поэтов и сам поэт, расстрелян. Поэт Гумилев расстрелян. Поэта Александра Блока безобразно третировали, он был доведен до сумасшествия и умер в расцвете лет. Есенин – испытывая глубокое отвращение ко лжи и низости строя, основанного на чекизме, повесился. Гениальный поэт Федор Сологуб еще вчера здоровый физически и морально, был насмерть сражен самоубийством жены, которая не вынесла отказа выпустить ее с мужем из советского ада, и угас в мучениях (Горький 1996: 146).

Роллан понимал, что «французскому писателю трудно сколько-нибудь авторитетно опровергнуть утверждения русских писателей (Бальмонта, Шмелева, Мережковского, Куприна, Бунина, Зайцева)». Он справедливо замечает: «Было бы дерзостью заявлять, что ты знаешь обо всем происходящем в России больше, нежели они».

Горький ответил Роллану в письме от 29 января 1928 года: «Когда я прочитал *Письмо писателей*, оставшихся в России, у меня тотчас же появилось сомнение в том, что его написали литераторы и люди, достаточно широко осведомленные в этой области» (Горький 1996: 146). Таким образом, Горький поддержал официальное мнение советской печати, выраженное в статье М. Кольцова (*Подметное письмо* «Правда» 1927, 13 августа), в которой это письмо названо фальшивкой.

Роллан использовал письмо Горького от 29 января 1928 года в своем ответе Бальмонту и Бунину, который был опубликован в парижском журнале «Еггоре» 15 февраля 1928 года под названием *Ромен Роллан и Советская Россия. Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину* (на русском языке письмо печаталось в газете «Сегодня» - 1928. № 52. 23 февраля. С.12), а затем перепечатан в мартовском номере «Вестника иностранной литературы» (1928. № 3). Перед публикуемым текстом — заметка Роллана, датированная 16 февраля 1928 г.:

Желая проверить некоторые факты, относящиеся к моей вежливой полемике с Константином Бальмонтом и Иваном Буниным, я обратился с письмом к Максиму Горькому. Вот поразительная картина, которую он

набросал в нескольких строках, рисуя положение русской литературы в настоящее время в России.

Текст письма Горького в журнале опубликован частично (Горький 1996: 150). В своем ответе Роллану (письмо от 29 января 1928) Горький замечает:

Бунин и его товарищи пишут о жестокости Советской власти. Я не могу себе представить человека мягким, раз он находится в постоянной борьбе ради самозащиты. <...> Народ — жесток. Бунин хорошо знает это, он мастерски кошмарно написал об этом ряд рассказов. Казалось бы, что ему следует знать, что в России немало таких, как полужверь, полуребенок *Захар Воробьев*³ (Горький 1996: 410), милый и страшный мужик, герой его рассказа, и что вообще люди его мрачных рассказов еще живы.

<...> Искренно говорю Вам, дорогой Роллан, очень тяжело мне наблюдать процесс морального разложения русской эмиграции, эту болезненную, гниющую злобу ее на русский народ, науськивание ею европейской прессы на Советскую власть, полемику между собою, скандалы и клевету, ложь на всех, кто иначе верует. Почти всех “вождей” эмиграции я, в свое время, знал, многие казались мне людьми действительно высокой культуры, искренними демократами и гуманистами” (Горький 1996: 150).

Просоветский ответ Роллана вызвал новый взрыв негодования. В письме к Шмелеву Бальмонт сообщает:

Деревянный Роллан написал глупейший ответ мне и Бунину, а изящные «П<оследние> нов<ости>» поторопились перепечатать это кваканье. Я послал в редакцию «П<оследних> н<овостей>» решительную брань за это. Написал вчера вулканический ответ Роллану и послал Гальперину-Каминскому, а Бюрэ как раз просил меня написать ответ. И Бунину сейчас пишу. Капбретон. 1928. 20 февраля. Вечер (Горький 1996: 150).

Бальмонт снова выступил в печати с открытым письмом (*Новое письмо К.Д. Бальмонта Ролену Роллану*), опубликованное 16 марта 1928 г. в газете «L’Avenir» (на русском языке в газете: «Сегодня», 1928. № 78, 21 марта, С.2). На это открытое письмо последовала (в письме Роллану от 23 марта 1928 г.) отповедь Горького: «Будь он, Бальмонт, несколько более честен в отношении к своему народу, который вступил на путь возрождения, он бы помнил, что беспризорных создала гражданская война, которую, вместе с другими его друзьями, разжигал и Бунин». Возможно, такой ответ Горького вызван публикацией дневника революционных событий 1917–19 гг. Бунина *Окаянные дни*, который печатался в парижской газете «Возрождение» в 1925–27 гг., а также *Записной книжки* Бунина, по поводу которой Горький заметил, что писатель

³ В черновике письма Горького более сильная формулировка: „Казалось бы, что следует (пора знать, понять) [надобно] знать, что в России) у власти потомки его страшного «полужверя»”.

проповедует «именно ненависть, вполне здравую и, полагаю, довольно законную» («Возрождение». 1927. 26 мая. № 723). Роллан реагирует на этот выпад Горького против Бунина (в письме от 5 апреля 1928):

Меня поразили некоторые Ваши слова (или намеки) относительно Бунина. Можно подумать, что Вы возлагаете на него совершенно особую ответственность за контрреволюцию. Должен заметить, что Бунин, более осторожный, чем Бальмонт, не возразил на мое письмо, а лишь дал понять, что он согласен с Бальмонтом (Горький 1996: 159).

Горький поясняет свое отношение к Бунину:

Но Бальмонт, как все эмигранты, его друзья, лишен способности признавать достоинства врагов, и, как все друзья его, он отравлен злобой до того, что назвал «преступными» очерки Дюамеля о России, — Дюамеля, человека, который, прежде всего, глубоко честен. Он пишет Вам: «Десять Дюамелей нас увидят в десять лет того, что Бунин увидит и рассмотрит в десять дней, в десять часов». Эта смешная фраза говорит мне, что Бальмонт или не читал, или читал и не понял отношения Бунина к русскому народу (Горький 1996: 158).

Критическое изображение русского народа Буниным, когда-то восхищавшее Горького, в этой полемике оборачивается против Бунина-писателя, который представляется врагом русского народа, не верящим в его светлое будущее.

Бальмонт, со своей стороны, вступает в полемику с Горьким. В русских эмигрантских газетах «Возрождение» (1928. № 1033. 31 марта. с. 3), «Сегодня» (1928. № 89. 1 апреля. с. 2) и «За свободу!» (1928. № 80. 5 апреля) появилась статья Бальмонта *Мещанин Пешков. По псевдониму: Горький*, в которой он обрушивается с критикой на Горького и Роллана, поддерживающих власть большевиков. В письмах к Роллану 1921–1925 гг. Горький протестовал против уничтожения советским руководством интеллигенции — «ломовой лошади культуры», против политики большевиков в области литературы: «Свобода слова уродливо ограничена, гонорары — нищенские, книги продаются плохо, новый читатель еще не вырос количественно, а прежнего вдумчивого читателя уже почти нет — вымер, эмигрировал» (Горький 1996: 130). Он был возмущен «чистой» библиотек, уничтожением книг, написанных по дореволюционной орфографии, изъятием из публичного доступа философской и религиозной литературы, а также книг русских классиков и писал Роллану о том, что хочет выйти из советского гражданства в знак протеста против репрессий печатного слова.

Однако к 1928 году писатель значительно «перековался»: он не поехал на празднование 10-летия Октября, но, тем не менее, взял на себя роль защитника внутренней политики СССР и организатора новой пролетарской культуры. Роллан сочувственно отнесся к стремлению Горького стать «суровым и любящим руководителем молодой пролетарской интеллигенции» (Горький 1996: 180). Роллану

оставалось только поверить на слово своему идеологически вооруженному корреспонденту. Знаменитая статья *Прощание с прошлым*, написанная Ролланом в 1931 году, подвела итог пути, который Роллан проделал в предыдущие годы: «Стрелка компаса показывает на север, на ту цель, к которой идут передовые отряды Европы, героические революционеры СССР, – эта цель: социальная и нравственная перестройка человечества» (Роллан 1958: 257-259).

Писатели русской эмиграции не были услышаны во Франции, как справедливо замечает исследователь Рене Герра, так как французская интеллигенция 1920–30-х годов придерживалась в основном левых взглядов, поддержав в 1934 году создание Народного фронта.

От Горького Бунин отмежевался публично в своих литературных мемуарах, прочитанных в зале Гаво в Париже в 1930 году. Горький в ответ опубликовал около пятидесяти старых писем Бунина к нему. Для Бунина эта публикация была ударом. Впоследствии он завещал сжечь свои письма:

Я писал письма почти всегда дурно, небрежно, наспех, и не всегда в соответствии с тем, что я чувствовал, — в силу разных обстоятельств (один из многих примеров — письма к Горькому, которые он, не спросив меня, отдал в печать) (Бунин 1967: 480).

При этом Горький обсуждал со Сталиным в 1932 году вопрос о возвращении Бунина на родину. Этот вопрос поднимался и после смерти Горького, после Второй мировой войны. Однако Бунин был последователен в своем неприятии большевизма, советской власти.

Источники:

- Андреева М.Ф., 1968, *Переписка. Воспоминания. Статьи и документы*, Москва.
- Встреча: Константин Бальмонт и Иван Шмелев: Письма К.Д. Бальмонта И.С. Шмелеву*, «Наше Наследие» 2002 № 61, <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6117> [12.12.2021].
- «Новый мир» 1965, № 10.
- Бунин И.А. 1967, *Собрание сочинений*, Т. 9, Москва 1967.
- Бунин И.А., 2007, *Письма 1905–1919 годов*. Москва.
- Бунин И.А., *Горький*, <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/pod-serpom-i-molotom/gorkiy.htm> [12.12.2021].
- Горький М., 1936, *Материалы и исследования в 2 т.*, Т. 2, Ленинград.
- Горький М., 1996, *Серия «Архив А.М. Горького», Горький и Р. Роллан. Переписка (1916-1936)*, Т. XV, Москва.
- Горьковские чтения 1958-1959, 1961.*, Москва.
- Горький М., 1954, Горький М. Пятницкому письмо между 19 и 24 ноября 1901 г. [в:] *Серия „Архив Горького”*, Т. IV.
- Горький М., 1959, Горький М. Белоусову ок. 28 декабря 1911 г. *Серия «Архив Горького»*, Т. VII, Москва.
- Роллан Р., 1958, *Собрание сочинений*, Т. 13, Москва.

Роллан Р., 1935, *Собрание сочинений*, Т. 18, Ленинград.
Чехов А.П., 1951, *Полное собрание сочинений и писем*, т. XX, Москва.

Литература:

Нинов А.А., 1973, *Бунин и Горький. 1899-1918* [в:] *Иван Бунин. Кн. 2. Литературное наследство*, Т. 84, Москва, с. 7–65.
Ревякина И.А., 2010, *Бунин и Горький: история отношений* [в:] *И. А. Бунин и его окружение: к 140-летию со дня рождения писателя*, Москва, с. 125–147.

Sources:

Andreyeva M.F., 1968, *Perepiska. Vospominaniya. Stat'i i dokumenty*, Moskva.
Bunin I.A. 1967, *Sobraniye sochineniy*, vol. 9, Moskva 1967.
Bunin I.A., 2007, *Pis'ma 1905–1919 godov*, Moskva.
Bunin I.A., Gor'kiy, <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/pod-serpom-i-molotom/gorkiy.htm> [12.12.2021].
Chekhov A.P., 1951, *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*, vol. XX, Moskva.
Gor'kiy M., 1936, *Materialy i issledovaniya v 2 t.*, Т. 2, Leningrad.
Gor'kiy M., 1954, Gor'kiy M. Pyatnitskomu pis'mo mezhdru 19 i 24 noyabrya 1901 g. [in:] *Seriya „Arkhiv Gor'kogO”*, vol. IV.
Gor'kiy M., 1959, Gor'kiy M. Belousovu ok. 28 dekabrya 1911 g. *Seriya „Arkhiv Gor'kogo”*, vol. VII, Moskva.
Gor'kiy M., 1996, *Seriya «Arkhiv A.M. Gor'kogo», Gor'kiy i R. Rollan. Perepiska (1916-1936)*, vol. XV, Moskva.
Gor'kovskiye chteniya 1958-1959, 1961, Moskva.
«Novyy mir» 1965, № 10.
Rollan R., 1958, *Sobraniye sochineniy*, vol. 13, Moskva.
Rollan R., 1935, *Sobraniye sochineniy*, vol. 18, Leningrad.
Vstrecha: Konstantin Bal'mont i Ivan Shmelev : Pis'ma K.D. Bal'monta I.S. Shmelevu, «Nashe Naslediye» 2002, № 61, <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6117> [12.12.2021].

References:

Ninov A.A., 1973, *Bunin i Gor'kiy. 1899-1918* [in:] *Ivan Bunin. Кн. 2. Literaturnoye nasledstvo*, Т. 84, Москва, pp. 7-65.
Revyakina I.A., 2010, *Bunin i Gor'kiy: istoriya otnosheniy* [in:] *I. A. Bunin i yego okruzheniye: k 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya*, Moskva, pp. 125–147.